

Александр
Чусовлянов

ГЛУПЫЕ И НЕНУЖНЫЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Чусовлянов

Глупые и ненужные

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Чусовлянов А.

Глупые и ненужные / А. Чусовлянов — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

"Глупые и ненужные" - это история четырех друзей, которые после выпуска из университета Эббинга не видели друг друга 17 лет. История про то, как мы сталкиваемся с взрослой жизнью. Как эта самая жизнь нас перемалывает. История про наши страхи и фобии. Про невозможность быть нормальным. Про иллюзорность взросления и вечное невозвращение. История про Софу. История про Серхио. История про Ренди. История про каждого из нас. Содержит нецензурную брань.

«И я рад, что на свете есть расстоянья более немислимые, чем между тобой и мною.»

Бродский

Черно-белая канарейка

Вот как это обычно бывает. Я стою возле огромного панорамного окна на 23 этаже большой постмодернистской коробки, сделанной из стекла и металлических прутьев. Рядом с моим ухом шипит телефон. На другом конце провода мой коллега из Амстердама пытается внятно объяснить, как решить важные вопросы, связанные с логистикой и отгрузками. Я слушаю его в пол уха и, если на чистоту, весь его не лишенный эмоций спитч, для меня подобен белому шуму. Я больше занят изучением рамки окна и здания напротив. Почему? Об этом позже.

Напротив моего здания стоит такая же безвкусная громада только на пару этажей выше, словно два архитектора заочно занимались фаллометрией посредством проектировки бизнес центров. Здания похожи в своей унылости и однообразии. Наверное, если принять во внимание, что бог все-таки существует (на самом деле нет), то для него подобные конструкции напоминают среднего размера клетки для птичек. У дедушки были подобные в миниатюре для его канареек. И вот одна такая божественная канарейка рассматривает клетку напротив и видит там своего двойника.

Двойник тоже слово весьма условное. Просто на одном из этаже стоит такой же чувак, который ровно так же уткнувшись в окно разговаривает по телефону. Он так же одет в черно-белое, как герой хичкоковского кино. Белый верх, черный низ. От шеи и до ремня тонкая фиолетовая (синяя?) полоска в виде плотно завязанного галстука. Вижу я его плохо, поэтому сходство кажется фантастическим. Только мой визави более активен, энергичен и вовлечен в беседу. Меня это даже немного коробит, как коробит активность отличницы за первой партой, которая стремится ответить на любой вопрос, на который и ты знаешь правильный ответ.

Но есть одна деталь, которая рушит концепцию нашего Достоевского двойничества. Одна махочка чёрточка, как сказал бы Федор Михайлович. Одна деталь, которая делает меня настолько инертным и телефонный разговор неважным. За моей спиной стоит маленький черный квадрат размером 55 x 40 x 20 см на колесиках и складной матовой ручкой. В этот черный квадрат упакована вся моя жизнь на ближайшие 8 дней. Ультрабук, две клетчатые рубашки свободного кроя, светло-зеленый свитшот с растянутым воротом, серые шорты карго, три футболки, которые похожи одна на другую, теплый шерстяной кардиган, светло-голубые винтажные широкие джинсы, плюс сумка со средствами личной гигиены, powerbank и книга за авторством Джона Эдварда Уильмса «Профессор Стоунер», которую я вот уже 6 месяц хочу прочитать, но все никак не доходят руки. Вроде бы все. Не так уж и много, но на отпуск, который я себе задумал должно хватить.

Я дышу на стекло, и оно запотеваает неровным овалом, в нем пальцем свободной руки рисую маленького размера пенис, не забывая про сопутствующие атрибуты: гениталии и волоски у основания. Я давно отметил, что не важно сколько тебе лет 15 или 35, но оказавшись перед пустым холстом руки мужчины инстинктивно рисуют один и тот же силуэт. Что бы это понять нужно просто родиться мужчиной, по-другому, увы, никак.

Парень, напротив, начинает жестиковать активней, видимо вопрос не решается. Я деликатно прощаюсь со своим абонентом и заканчиваю разговор. Смотрю на нарисованный пенис и сквозь линии рассматриваю клерка в соседнем здании. Прощаюсь с ним «пока парень, не знаю кто ты и сложность проблемы, но надеюсь у тебя все получится, а мне пора в отпуск».

*

Обычно отпуск мой выглядел так. Я жил в двух полюсах: северном – там, где горы, снег и сноуборд. Уютное шале, ведра глинтвейна и травмы легкой степени тяжести. Вторая ипостась любого отдыха – это море, белый песок, робкие попытки серфинга и кожа, которая покидает

плечи несколькими слоями после особо солнечного дня. Так я и жил и жизнь меня эта устраивала абсолютно. Я возвращался посвежевший, отдохнувший, с провентилированной головой, но в этот раз я решил все сделать иначе, на свой манер.

У меня есть три университетских друга. После выпуска мы разъехались кто куда и вот прошло уже 12 лет. Ни с кем из них я так и не встретился. Все наше общение строилось по принципу «Новый год – день рождения – день рождения – Новый год». Но в день моего 33летия под влиянием алкоголя и сентиментального фильма из 90х, я четко решил это исправить и свой следующий отпуск провести с друзьями, наивно полагая собраться всем вместе «где-нибудь не здесь». Но оказалось собраться всем вместе это уравнение с бесконечным числом переменных, которые разрастаются в арифметической прогрессии. Графики отпусков, деньги, шенген, болезни, болезни близких, и банальное отсутствие желания. В итоге с момента титров того сентиментального фильма прошло 2 года и вот сейчас я, не особо с кем-то договариваясь, решил проехаться по своим друзьям. У меня на руках было три билета в три разные города, лежащие в трех разных часовых поясах. Начать я решил с Эббинга, а дальше никакого плана у меня не было, только желание встретится с Софой и эффект неожиданности.

2. Софочка

Эббинг – единственное место на свете, где я ощущаю себя как дома, хотя и прожил здесь неполные 6 лет. Наверное, дело в том, что как человек я сформировался именно здесь, здесь нашел друзей и потерял невинность, впервые подрался и расширил свой словарный запас более чем в двое. Поэтому и волнение, которое я испытываю, возвращаясь сюда под вечер, тоже какое-то домашнее, родное.

Эббинг по сути является университетским городком, в центре которого старое здание, поросшее плющом и огромным парком средней степени запущенности. Собственно университет – единственное логичное объяснение, почему этот город до сих пор существует и худо-бедно живет. Вся инфраструктура города завязана на студентах, от маленьких пабов до автозаправок. Аэропорта, конечно, здесь нет, а только шоссе и старая железнодорожная станция. Чем-то это все напоминает Хогвартс, только без волшебства и ограниченного числа факультетов. Мы с друзьями начинали учиться на историческом, но после первого курса синхронно разочаровались в своем призвании, но каждый по-своему. Серхио дополз до последнего курса, а потом отчислился. Я выбрал скучный менеджмент и управление. Ренди сдался под давлением родителей и таки поступил на юрфак, чтобы продолжить семейную династию. Софа же остаток учебы посвятила философии. В итоге все мы после конца образования покинули нашу Альма-матер, кроме нее. Она стала сначала младшим преподавателем, а сейчас уже дослужилась до доцента кафедры немецкой классической философии и с завидной регулярностью писала в профильные журналы, которые я читал и ни хренашеньки не понимал.

Квартирку Софы я должен был найти без труда. Она переехала сюда на последнем курсе и так и не съехала. За те 17 лет пока я здесь не был, в городе мало что изменилось. Где-то появились сетевые магазины, где-то бар сменил одну вывеску на другую, но в целом все осталось по-прежнему. Вообще университеты, как я давно заметил, живут вне времени и огорожены невидимым куполом, который блокирует влияние извне. Не важно на сколько ты покидаешь Эббинг, на неделю или десятилетие, все останется как есть. Вот и дом Софы все там же, в 10 минутах ходьбы от главного кампуса и 15 минутах от ж/д вокзала.

Так как у меня было позднее прибытие алкоголь в магазинчиках уже не продавали, чего в наше время не случалось, по-стариковски заметил я. Пришлось зайти в еще работающий ресторанчик и купить бутылку красного втридорога. Я бы может взял бы и белое, но на улице было так прохладно и сыро, что оно было абсолютно не уместно. В итоге пришлось выбирать из не самой широкой линейки сухого красного. На выбор было предложено чилийское мерло, итальянское кьянти, австрийский цвайгельт и аргентинский мальбек. Чилийское мерло я отмел

за несоответствие сорта винограда поводу. Аргентинский мальбек требовал бы гастрономии в виде стейков, и что-то подсказывало, что Софа в 11 вечера не стоит у плиты, колдуя над говяжьей вырезкой. К итальянскому кьянти мои вкусовые рецепторы так и не смогли привыкнуть и этот сорт я избегал всячески. В итоге методом исключения в руках у меня оказалась охлажденная бутылка цвайгельта, с которым я и пошел в сторону дома Софы.

Наконец, я увидел маленький двухэтажный таун-хаус в скандинавском стиле со скошенной крышей, на втором этаже как раз Софа и жила все это время. Горел свет и очертания человека с книгой в руках легко считывалось возле зашторенного окна.

Я встал перед ее большой массивной дверью из темного дерева. Над звонком аккуратно было написано вместо фамилии «Софа», такой акт маленького социального бунтарства. И именно в тот момент, как занести руку над звонком, вся эта идея с отпуском показалась мне чертовски идиотской, глупой и лишенной всякого смысла. Так как на улице было прохладно, бутылка вина уже начинала обжигать руку. А я все не мог нажать на звонок. Просто стоял молча, словно актер за кулисами, ждущий своего выхода и переживающий, что забудет все отрепетированные реплики.

Наконец робким нажатием я таки коснулся кнопки. Вызов был слишком быстрым. Движения за дверью не было слышно, и я было решил нажать второй раз, подозревая, что человек просто не услышал звонка. Но как только потянулся за повторным нажатием, дверь открылась.

Софа встретила меня в болотного цвета разношенном свитшоте с аббревиатурой Университета Эббинга, который годы носки превратили в размер оверсайз. Она видимо в нем спала и работала по дому, цвет его выгорел и банально застирался. Свитшот с лихвой закрывал часть домашних штанов нежно розового цвета, предназначенных скорее всего для сна в холодное время года. Волосы были не уложены и было видно, что она приняла душ не более чем пару часов назад. На глазах были массивные очки в черной глянцевой оправе. За этой оправой пара карих глаз суматошно пыталась понять, что происходит. По скорости перемещения зрачков угадывалось плохо скрываемое недоумение.

– Ты? – спросила она как бы на ощупь.

– Все настолько плохо? – манерно уточнил я.

Реплика немного привела ее в чувство или до мозга наконец дошла вся информация в полном объеме. Она резко оттолкнулась от ступенек лестницы и прыгнула в мои неподготовленные объятия, разрушая неловкость и 12 лет разлуки. После долгих объятий она отдалилась чтобы еще раз все проверить и сказала:

– Глазам не верю, это же ты! Мог бы и предупредить, что приезжаешь.

– Мог бы... – сказал я. – но не предупредил.

Наконец и до нее дошло понимание того обстоятельства, что я не видел ее тоже 12 лет и поэтому сразу лихорадочно спросила:

– А ну ка признавайся, как я выгляжу?

– Софа ты выглядишь так же великолепно, как и в день нашего знакомства.

– Ты так говоришь только потому, что это чистая правда – актерски парирует она и заливается гортанным смехом.

Отсмеявшись, она взяла мою сумку жестом, не терпящим пререканий, и повела меня в дом.

*

Ее квартира изменилась, ровно настолько насколько изменилась и сама Софа. В том смысле, что бывшая студентка повзрослела и выросла в самую что ни на есть женщину. Если раньше квартира была завалена разными плохо сочетаемыми вещами, условно на ее письменном столе могли параллельно сосуществовать томик Кьеркегора, бутылка пива, сэндвич с сыром и набор игральные карты для покера. То сейчас на столе стоял серебристый ноутбук и ничего более. Сама Софа прошла свой пик красоты года два назад и, видимо, вела отчаянную

битву за удержание, а не приумножение имеющихся возможностей. Она по-прежнему была красива, но какая-то усталость была в этой красоте. Ее тело, как будто бы ожидая беременность, стало не таким стройным, но и даже пухленькой ее нельзя было назвать, совсем нет. Волосы в угоду удобства стали короткими и потеряли былую яркость. Стоит отдать ей должное, она не стала красить их в фиолетово-розовые цвета, а в теле не было популярных нынче имплантов. Встреть я ее на улице, я бы легко обнаружил в ней ту студентку, с которой у нас когда-то давно сложилась самая настоящая дружба, какая только возможна между женщиной и женщиной. И вот сейчас, проходя по квартире, я просто смотрел по сторонам и отмечал всякие мелочи.

Главная комната была продолговатая и скупо обставленная. И как бы уравновешивая весь аскетизм зала, возле стены была огромного размера библиотека, которую Софа скрупулёзно собирала со времен учебы. Тут были и редкие фолианты, которые стоили целое состояние, но была и простая ненавязчивая беллетристика, главной целью которой было убить время, не более чем. В центре стоял маленький приземистый стол из белого дерева, а на стене висела наша университетская черно-белая фотография. Я, Софа и Ренди в черных мантиях и глупых колпаках. У меня на лице редкая поросль из волос, которая смотрится просто ужасно.

Я подхожу и долго смотрю на фото, подмечая все детали. Странно, но у меня такой фотографии нет.

Софа, обнимая меня со спины (как будто и не было этих 12 лет) говорит мне полупотом:

– Знаешь, из всего, что мы задумывали в студенчестве и того, что получили к данному моменту, можно собрать одно целое, что и будет называться жизнью.

*

После обзорной экскурсии по квартирке и дежурных вопросов на тему приезда мы переместились на кухню, где я начал колдовать над вином, благо что оно было с винтовой пробкой. Софа на скорую руку нарезала треугольник сыра, а больше ничего пригодного для закуски к вину в ее доме и не было. Я заметил, она немного замешкалась в поисках бокалов, наконец, развернувшись, она предстала с двумя красными пластиковыми стаканчиками, которые обычно используют в игре beer pong и так слабо вяжутся с вином.

По моему вопросительному взгляду Софа поняла, что было бы неплохо объяснить отсутствие если не бокалов, то хотя бы стеклянных стаканов. Бокалы сами по себе не являются чем-то обязательным в любой квартире и без них прожить можно, но их отсутствие настораживает, как скажем, отсутствие микроволновки или ершика для унитаза.

– Прости, винных бокалов у меня нет. И я не хочу объяснять, как так вышло.

– Да мне, вроде как, и не интересно. Меня более чем устроят эти пластиковые красавцы.

– Хотя, лучше расскажу. Все равно рано или поздно беседа заведет нас в эти воды. Все дело в том, что полгода назад у меня закончились достаточно болезненные отношения. Фактически это и не были отношения, так секс без обязательств. Во всяком случае так мне тогда казалось. А потом он решил прервать такой формат, в пользу секса с обязательствами и как ты понимаешь меня уже в этом сценарии не было. И меня как будто с петель сорвало в тот момент. Я сначала разревелась, а потом, когда он начал жалеть меня, унеслась в слабо контролируемую агрессию и разбила всю посуду, которую можно было разбить в доме. – Софа взяла в руку стаканчик с вином – Твое здоровье, друг!

– За встречу!

И мы почти бесшумно, чокнулись бокалами. Вино было легким с нотками смородины и кожи.

– А сейчас ты в норме?

– Какой там. Я не в норме после того, как перевалила за тридцатник. Знаешь, в чем злая ирония моей жизни? Я же осталась в университете как раз потому, что думала примерно так. Я

буду преподавать и постоянно общаться с молодыми людьми, с этой почти искрящейся энергией, максимализмом, бунтарством и всем таким, чем богата молодость. И общаясь с ними, постоянно находясь в их кругу, я как бы обману смерть и не буду стареть. Такой социальный вампиризм.

– Звучит логично, а что не так?

– Ловушка в том, что мой план-капкан, привел к обратному результату и каждый год я ощущаю как пропасть между мной и молодыми людьми разрастается. Я чувствую себя, наверное, уже под 50.

– Перестань. Ты отлично выглядишь. – попытался ее утешить я.

– Спасибо. Но я про мышление, про мою внутреннюю деформацию, закостенелость. Вот сейчас мы пьем это чудесное, кстати, вино. А где-то в подкорке у меня уже крутится, тебе завтра на работу, а после вина у тебя всегда гудит башка. И так во всем.

– Слушай если не хочешь, я один справлюсь с этой бутылкой, а ты попей старперский чай.

– Больно уколел. Да нет, хочу и буду. Ты, кстати, ничего такого не ощущаешь?

– И да и нет. Бывают дни чувствую себя 19-летним, а бывает лежу свернувшись калачиком и смотрю фильмы из 90х с мыслями, что я старый козел. Все циклично короче.

– А я, кажется, все чаще задерживаюсь во второй фазе. Я думала, как это все сформулировать. Знаешь, как ржавчина покрывает велосипед, который с годами покрывается этим неприятным налетом, так и мы покрываемся цинизмом. Вот что такое взрослая жизнь.

– Хорошо сказано.

– Вот тебе еще один экспресс-тест на старость. Когда ты последний раз курил траву?

В студенчестве мы часто с Софой практиковали данную шалость, но сейчас я с усилием вспоминал крайний раз.

– Дай-ка подумать – пауза затянулась, и Софа хотела было что-то сказать, как внутренний google наконец выдал результаты – 7 лет назад, на Кубе.

– Вот и я в этих пределах, и это живя в Эббинге, где, кажется, воздух на 15% состоит из каннабиса. Понятное дело, что нет прямой корреляции, но тенденция налицо.

К концу бутылки стало как-то совсем грустно, то ли из-за того, что вечер подходил к концу, то ли из-за того, что больше алкоголя не было. Повисла долгая пауза, которая никого, кажется, не напрягала. Наконец Софа посмотрела на меня долгим взглядом, пытаясь как будто что-то во мне рассмотреть.

– Знаешь, я бесконечно, бесконечно несчастлива. Мне иногда кажется, что я в такой облегченной форме депрессии. Вечно в состоянии тревоги. Как будто на телефоне 23% и зарядки нет. И вроде заряда должно хватить, но 23%, твою мать .

– Я кажется понимаю, о чем ты.

– И что скажешь?

– Скажу, что вино было не безнадежное и у тебя, я уверен, заряд намного больше, чем 23%.

– И на том спасибо, дорогой. – и она по-дружески потрепала меня за волосы, как треплют больших собак и маленьких детей. С любовью, заботой и нежностью.

*

Проснувшись с утра, всегда видишь в зеркале ту же рожу, куда бы не сбежал. Закон жизни.

Софа с утра ушла на пары, а я валялся в кровати до 10 утра. По сути ничего не изменилось с нашего первого курса. На столе стоял кофейник с еще теплым кофе и луновидный круассан плюс маленькая записка, где ее можно найти в кампусе. Я выпил кофе и почувствовал, как голова проясняется.

Потом оделся ровно так, как одевается любой старый козел, который отчаянно не хочет стареть и молодится по максимуму. Узкие джинсы, голубое худи, кроссовки айр-найк. Един-

ственное в чем я был уверен, так это в том, что в таком виде меня точно не спутают с преподавателем.

Судя по записке, у Софы первые две пары были посвящены Хайдеггеру и Бодрийяру соответственно. Их я как раз и проспал. В итоге я попал на сдвоенную пару, которая была посвящена Античной философии.

Я пробрался в амфитеатроподобную аудиторию и расположился на задних рядах. Там, куда обычно выносят троечников, подобно обломкам от корабля знаний и любознательности. Ботаники же, подобно мотылькам, слетаются на светоч знаний, коим и была Софа. В бежевом свитере из толстой пряжи, светло-голубых джинсах и тех же громоздких очках, в каких я ее вчера встретил.

Ее голос звонко блуждал по аудитории, придавая хоть какой-то импульс такой скучной теме, как античная философия. Внутри себя я сразу отметил, что Софа выросла в первоклассного преподавателя и испытал почти родительскую гордость за ее проф.навыки, хотя и не был к ним никак причастен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.